

ДЕВУШКИ НЕ ПЕРВОЙ СВЕЖЕСТИ

НАДЕЖДА
НЕЛИДОВА

Розовый
террор

Чего хочет женщина?

Большой и чистой любви. Куклу по имени Мужчина, не важно, что него (у неё?) другая семья (другая хозяйка). Хочу, и всё! А ещё денег, шубку, бриллиантов, телевизионной славы, квартиры в центре города, путешествий. Приключений на пятую точку. На худой конец, ванну — непременно розовую.

Надежда Нелидова РОЗОВЫЙ ТЕРРОР

СЕСТРЫ РЯБИНИНЫ И К°

(Повесть о девчонках из девяностых)

1

В семье дети были взрослыми. Дочь отработывала преддипломную практику, сын заканчивал школу. Старая мать стеснялась своей беременностью. Родились две девочки, близнецы. Назвали: Ляля, Неля. Двойняшки были похожи на забавного чернявого зверька, который вдруг почему-то раздвоился в глазах, с кривыми толстыми ручками и ножками, головастые, с приплюснутыми носами, с оттопыренными ушками.

В семье их любили очень.

Едва мать успевала покормить их, как приходила с работы дочь, бросала в угол портфель и спешила, раскинув руки, к сестричкам. Приседала по очереди перед каждой — они, приплясывая, охватывали лапками ее шею — и одевала на прогулку. Она привозила их из скверика, где гуляющие неизменно выражали восторг («Бывает

же такое! Ну как две капли воды!») И уже приходил со смены отец, мыл тщательно руки с мылом и на цыпочках, в носках, шел к девочкам.

— А мы — во! Самые лучшие на свете! — ликовал он, показывая большой палец.

— С ума сошел, — смеялась мать. Даже немного обижалась: к старшим он не выказывал такой любви.

Потом подростки сестрички стали взбираться на брата. Он полулежал в кресле и читал толстую книгу па физике. Девочки ползали по нему, трогая пальчиками его тоненькие, только что отпущенные студенческие усики.

Время летело быстро: садик, школа. Семью постоянно лихорадило от всплесков буйной фантазии сестриц. В пятом классе сестры пришли к выводу, что их лица и фигуры страшно далеки от стандартов красоты. Для начала решено было похудеть. Гимнастика, диета, хула-хуп (в алюминиевом обруче соседский мальчишка просверлил дырку и всыпал туда килограмм речного песка), бег с первым трамваем. Лялю приходилось трясти и волоком волочь с постели.

Сестры могли бы успешно защитить диссертацию на тему «Как похудеть» с предоставлением обильного теоретического материала, но на практике дело продвигалось туго. Их рослые, здоровые тела упорно не хотели

принимать хрупких форм, как у некоторых спичкообразных одноклассниц.

Тогда они пошли на крайнюю меру: не брать в рот ни крошки две недели. Чтобы не вызывать у домашних подозрений, жидкую пищу решили выливать в унитаз, твердую — скармливать на балконе голубям. «В эти две недели, — убеждала возбужденная Неля сестру, — иссякнут все внутренние ресурсы. Потом в ход пойдет жировая прослойка. Слышишь, Лялька, жир пойдет!»

Сестрам нужно отдать должное: они стоически выдержали первые мучительные три дня, подкрепляясь лишь кипяченой водой. На четвертый день Неля, войдя в кухню, увидела: ее ненаглядная единоутробная сестрица, пристроившись на корточках у батареи, прямо со сковороды воровски пожирала наспех поджаренные полусырые картофелины. «Предательница», — жестко сказала Неля и вышла, изо всех сил хлопнув дверью.

Скоро кто-то сказал сестрам, что как раз наоборот, у них очень эффектная киногеничная внешность, и что на актерское отделение очень похожих близнецов берут почти вне конкурса. Ляля с Нелей в тот же вечер сели писать письмо в Москву во ВГИК. В письме они очень объективно подошли к описанию своей внешности, роста, веса, объема талии, груди и бедер, и в конце спрашивали, правда ли, что на актерское отделение конкурсы сто

человек на место.

Ответа из приемной комиссии они не дождались. Ну что же, все правильно: если туда действительно столько желающих поступить, всем же не ответишь, правда? Девочки знали, что творческий конкурс будет делиться на туры. К турам нужно было основательно подготовиться, порепетировать. Однажды после субботних танцев сестры не ушли из парка, а забрались, хихикая, в заросли акации и стали разрабатывать план действия.

Мимо по дорожке дефилировали редкие парочки, не на них Ляля с Нелей и решили испытать силу своего актерского дарования. Когда по аллее прошли, сцепившись под ручку, мужчина и женщина, Неля скомандовала шепотом: «Раз, два, три!» — заткнула уши пальцами и душераздирающе закричала: «А-а-а-а-а!». Можно было не сомневаться, что злополучную жертву тащит в кусты и убивает не менее дюжины озверелых бандитов.

Ляля вскрикнула от неожиданности и бросилась зажимать ей рот: «С ума сошла, Нелька!». Неля как раз в это время начинала кричать «помогите», но из-за Лялиной руки получилось беспомощно оборвавшееся: «Помоги...», так что фантазия живо дорисовала, как бандиты грубо заткнули рот жертве.

Результат превзошел все ожидания: мужчина и женщина поспешно, на что были только способны ноги, покидали пустынную аллею; еще одна пара, боязливо озираясь, спешила в противоположную сторону.

Вскоре Неля заявила, что не желает учиться и видеть вокруг сплошь самовлюбленных писанных красавиц и красавцев. Да они же с сестрой от тоски и зависти высохнут! Лучше, сказала она, поступать в институт с самыми обыкновенными ребятами. Ляля, как всегда, целиком с ней была согласна.

... И вот сестрички сдали экзамен на аттестат зрелости. Причем Неля, более сильная в точных науках, решила контрольный вариант по алгебре за себя и сестру, а Ляля преспокойно ответила на экзамене по литературе и русскому языку на вопросы двух билетов. Сестры были в одинаковых передничках, волосы причесаны одинаково, и даже подведенные глазки были опущены с одинаково постным выражением. Зоркая классная, и та не заметила подвоха.

Аттестаты получились вполне на уровне и открывали желанную дорогу в престижный вуз. Засуетились родственники и знакомые, тайно приведены были в движение соответствующие рычаги. В один прекрасный августовский день две рослые девицы с вздыбленными от химической завивки волосами, в сильно декольтированных

майках, подвернутых джинсах и босоножках на громадных платформах, вылезли у аэропорта с двумя туго набитыми новенькими чемоданами и со всей шумной родней в придачу.

Привлекая внимание пассажиров, родня шумно, с поцелуями и слезами проводила девушек. Когда самолет взмыл вверх, в мире наступили невыносимые тишина и пустота. Ровно через три недели — в это время на имя абитуриенток Рябининых поступило четыре посылки и три денежных перевода — в притихшую квартиру пришла телеграмма: «Все отлично зачислены дневное отделение целуем встречайте 25 ж/д вокзале ЛяНе».

Мать тихо плакала, а на отца легла нелегкая миссия: открытками и телефонными звонками оповещать о радостной вести многочисленную родню. Их встречали на вокзале с цветами, шампанским, и брат, уже кандидат наук, прямо на перроне нацепил им каждой на запястье золотые часы. И на такси их повезли домой. По истечении недели, во время которой сестер буквально носили на руках, все в том же составе снова прощались.

Неля, в толстом свитере, джинсах и кедах (они сказали матери, что их группу посылают в колхоз убирать картошку), долго махала из тамбура рукой. Неразговорчивая проводница отодвинула ее и захлопнула дверь. Неля пошла к сестре.

В купе, кроме них, больше никого не было. Теперь, когда они находились рядом и одни, становилось видно, что сестры кое в чем отличаются: Правда, обе были высокого роста, и черты лица у обеих были грубоватые. Они походили бы на грузинок, если бы не сильно вздернутые носы. У обеих из-под низких жестких челок блестели черные глаза под тяжелыми, темными от природы веками. У обеих густые брови срослись на переносицах, и на верхней губе темнел пушок.

Все-таки Ляля была чуть ниже ростом, уже в плечах и шире в бедрах — чуть-чуть, разумеется. Еще у Ляли была пара восхитительных ямочек на щеках. Они появлялись, когда Ляля не разжимая губ улыбалась. Зная это, Ляля по-другому и не улыбалась. Эти нежные вертикальные ямочки являлись предметом тайной жгучей зависти сестры. Действительно, было чем возмутиться: раз природа оделила их всем одинаково, то и ямочки, будь добра, тоже поровну.

Неля задвинула за собой дверь, не пропустив случая лишний разок взглянуть в зеркало и поправить чудовищной пышности начес на затылке. Взяла со стола грушу и с размаху села, закинув

ногу на ногу.

— Нюнила? — сказала она вызывающе. — Давай уж сразу признавайся.

— Вот еще, с чего взяла? — Ляля, чтобы доказать обратное, тоже лихо закинула ногу на ногу и, помедлив, выбрала из целлофана грушу мельче. Вообще, видно было, что она немножко во всем подражает сестре.

... — Зря мы все-таки, да? — спустя некоторое время заговорила Ляля. — Зря мы им про институт не признались?

— Конечно, лучше бы было, если б мать сейчас с давлением лежала!

— Но мы бы осторожненько... что не поступили вовсе. Что совсем чуть-чуть по конкурсу не прошли. Конкурс-то вон какой! И Андрей Николаевич из приемной комиссии говорил, что такого столпотворения не помнит... А, Нель?

— Дерьмо ваш Андрей Николаевич! На лапу небось взял, — грубо сказала Неля. Злилась она именно оттого, что те же самые мысли давно лезли в ее голову. — Трусиха ты, Лялька, больше ничего. И трепачка. Небось телеграмму отбивать — это мы можем. Вон какую насочиняла: «Все отлично, целуем». Дура!

— И сама дура! И не смей орать на меня, понятно? — закричала Ляля. — Ты же первая сказала: «Давай пошлем». Я только поддержала.

Сестры надулись. Ляля рассматривала грязные матрацы, свернутые в валики. Неля не моргая смотрела в окно, за которым проплывали последние городские постройки..

— Давай, Лялька, кончай дурить, — сказала она миролюбиво. — Что маме не сказали, очень правильно сделали. Такие кобылы неудачливые, как мы с тобой, сейчас сотнями у пап и мам на шеях повисли. А мы вот уезжаем... работать уезжаем. — Она затормошила сестру. — И весь год будем заниматься, как черти, ага? И поступим же, Лялька, быть того не может, чтоб не поступили... И потом, что интересного дома? Семнадцать лет в четырех стенах... Фу, надоело. Слушай, Лялька, а чего мне так жрать захотелось?

И Неля задумчиво хлопала ресницами и с подозрением бралась за живот. Ляля, большая любительница покушать, засмеялась и поддержала ее. Через минуту стоп был завален свертками, кульками. Все это двигалось и подпрыгивало на столе под стук колес, а сестры весело уплетали прощальные дары любвеобильных родителей.

— Да, папаша с мамашей у нас что надо, люди с пониманием, — отдуваясь и вытирая сладкие руки о бумагу, заключила Неля. — Слушай, Лялька, спорим: на следующей станции в купе войдет импозантный дядечка с брюшком. Начальник большой стройки.

— И предложит пойти в секретарши! — с восторгом сказала Ляля. Она обсасывала куриную косточку так ловко, что вертикальные ямочки на ее щеках появлялись и исчезали, появлялись и исчезали:

— Лялька, хреновый из тебя романтик! Нет же, он нас в самую передовую бригаду зачислит, крановщицами. Будем в кабинку на вышотищу лазить... в таких комбинезончиках, закачаешься. Ты в красном, я — в голубом.

— Прелесть, — кивнула Ляля. — Замуж выйдем. Я, чур, за прораба. Прорабу сразу квартиру дадут. Трехкомнатную. А помнишь, как мы на экскурсию классом ходили, парень нам с крана кричал?

— Это в свитере? Хорошенький такой?

Затем разговор сам собой перешел на «шмотье», и сестры уже мечтали, какие костюмчики сошьют на первую зарплату.

3

Никакой дядечка-начальник на следующей станции не вошел. Сестры ехали сутки и приехали в город вечером следующего дня.

Как раз в это время был наплыв пассажиров, все места в камере ручной клади были заняты. К автоматическим ячейкам, куда сестры было

сунулись, выстроилась невероятных размеров очередь. И сестрам пришлось тащить все свои сумки и чемоданы на себе.

Ни в одной из гостиниц мест не было. В гостиничных вестибюлях, куда робко заходили девочки, в креслах и на чемоданах сидело великое множество народа.

Все-таки Неля набиралась духу, протискивалась к окошечку и, стараясь не смотреть на табличку «мест нет», скромно спрашивала, есть ли места. Ей отвечали «нет», иногда добавляли с раздражением: «У вас что, глаз нет?». Иногда вообще ничего не отвечали, хотя Неля повторяла вопрос дважды и трижды, и, не дождавшись ответа, отходила с пылающим лицом.

В одной из гостиниц они подошли к окошку вдвоем. Администратор, приветливая на вид женщина, привычно бросила: «Мест нет». И вдруг в глазах появилось любопытство: «Вы что же, близняшки?». Неля восторженно сказала: да, да — и заплаканная Ляля с надеждой подняла голову и придвинулась ближе. Женщина, сцепив под подбородком пальцы, пояснила улыбаясь: «Похожие очень». И снова отрицательно покачала головой: «Нет мест, девочки. Рада бы помочь, да не могу».

«Смотри, Нелечка, — говорила Ляля на улице, задрав подпухшее от слез лицо на фасад

гостиницы. — Смотри же, — дергала она за рукав сестру, — половина окон темные, номера пустуют. Что же это такое?!»

В одиннадцать Ляля и Неля поплелись обратно на вокзал. Тут под высоким потолком, заглушая человеческий голос, урчали лампы дневного света, гуляли по залу сквозняки, на кафельном полу стояли грязные лужи. Все скамейки были заняты, и Ляля с Нелей, наверно, целых три часа простояли на своих модных платформах, у обеих ноги прямо отваливались. У стоящих болели и немели ноги, у сидящих — зады, но последние стоически терпели и не вставали размяться, потому что на их места хищно поглядывали десятки претендентов. Наконец, сестры укараулили местечко и втиснулись в уголок деревянной скамейки. Неля, положив голову на колени сестры, задремала, а Ляля закрыла ее руками, чтобы та поменьше дрожала.

Рядом клевала носом старушка в брезентовом балахончике, свесив голые ноги в калошках. Ноги не доставали до полу и тихонько покачивались. Она была такая жалкенькая, что Неля, не подозревавшая, что в стране могут быть такие старушки, даже по примеру сестры всплакнула.

В общем, ночь выдалась кошмарная, к утру сестры просто окоченели от холода. Ляле все-таки удалось заснуть, а Неля вообще не смыкала глаз и

чувствовала себя, как пьяная. Они еле дождались, когда откроется буфет, правда, там не оказалось ничего, кроме пресных черствых булок и горького кофе за двадцать шесть копеек стакан. Сестры никогда еще не завтракали так отвратительно. Полуголодные, хмурые, продрогшие, они вышли с вокзала, чтобы начать поиски квартиры, где можно было временно остановиться. Решили искать поодиночке — так было больше шансов. Сбор — в пять вечера тут же, на вокзале.

Это было безумие — искать квартиру в начале осени в таком большом городе. На них смотрели как на ненормальных, когда они наивно спрашивали, не сдают ли хозяева площадь. «Нет; что вы. Раньше надо было искать, весной». Так или примерно так отвечали им всюду. Усталые, с убитыми лицами, без единого адреса в кармане встретились они вечером.

— Как у тебя? — спросила Неля охрипшим голосом.

— Нету, — тоже сипло отвечала Ляля, опуская глаза. И видно было, что она не раз сегодня принималась рюмить, и вот сейчас снова еле-еле сдерживается, чтобы не пуститься в три ручья.

— Может, вон тудаходим? — сказала Ляля после совсем уж безнадежного молчания. Она указывала на несколько бревенчатых домиков за железнодорожной линией — их почти не было

видно за палисадниками с зеленью. Поразмыслив, Неля согласилась:

— Пошли, Лялька, попытка — не пытка. Ну, если тут повезет — в чем я очень сомневаюсь — это то же самое будет, что мы вытащим счастливый лотерейный билет.

Они вытащили этот лотерейный билет.

За одним из заборов тетенька в болоньевом плаще подметала двор гусиным крылом. Увидев две одинаковые лохматые головы, одновременно заглянувшие в калитку, и две пары глаз, умоляюще воззрившихся на нее, хозяйка сразу все поняла.

Оказывается, она сдает этот домик, так как сама давно уже живет в центре города у сына. Дом сломают только на будущий год. И дом, и двор, и маленький сад с тремя черемухами и плодоносящей яблоней предоставляются в полное их пользование.

Правда, и цену она назвала, суетливо теребя косынку, такую, что сестры ахнули. Но не отказываться же было!

Как только Ляля и Неля, переглянувшись и вздохнув, враз кивнули головами, хозяйка сразу захлопотала, подхватила у них сумки и повела в избу, а там усадила пить чай с вареньем. Когда пили, все объясняла: вот две койки, постельное белье вот тут, в шифоньере, посуда на полке, уголь во дворе под навесом; показала, как топить печь и закрывать трубу, чтоб не угореть. Надев очки,

внимательно просмотрела их паспорта: Уходя и засовывая в сумку деньги, она уже называла их «дочами» и наказывала: «Вот адрес мой, вот телефон. Если что, соседи там возникать начнут, сразу ко мне».

4

Во втором часу ночи Неля комкает пустой пакет из-под жареных семечек и, прицелившись, метает в угол.

— Еще достать? — спрашивает она у Ляли, которая, не в силах оторваться от интересной книги, продолжает шарить рукой в поисках семечек. Обнаружив, что с семечками покончено, она зевает и задумывается.

— Слопаем все, а потом? Давай туши свет.

Неля на цыпочках бежит к выключателю, заодно заглядывает в буфет и, прихватив два куска хлеба, возвращается в постель.

— Лично мне такая жизнь по нутру, — признается она, доедая хлеб. — Только вот завтра снова хождения по мукам: работу искать. Найдем, и снова: медкомиссия, справки разные. Меня уже сегодня от поисков тошнит.

Обе чувствуют себя глубоко несчастными, им так надоели сегодняшние мытарства. Прозондировав почву, Неля продолжает:

— Знаешь, все-таки жуткая несправедливость: мы потеряем целый год! 365 дней будут навсегда вычеркнуты из нашей жизни, драгоценной, единственной и неповторимой. Ужас!

— Почему вычеркнуты? — удивляется Ляля. — Жить-то мы будем в это время..

— Жить! — усмехается Неля. — По-твоему, это жить?! Работать, чтобы есть, и есть, чтобы работать. Это рабство, а не жизнь. Ты, Лялька, ничего не соображаешь. Нам в школе твердили, что человек должен заниматься любимым делом — только тогда он обретет смысл жизни. А мы с тобой, выходит, будем бессмысленно заниматься нелюбимым делом целый год? Лазить по лесам и класть мокрые кирпичи?

— Почему мокрые?

— Потому что работать ты будешь не только под солнышком. Поняла, наивная, несведущая ты душа?

— Можно и потерпеть годик, — потихоньку сдается Ляля.

Возбужденная Неля отрезает:

— Терпи на здоровье, если хочешь.

Ляля обижается:

— Чего ты так со мной? А в поезде что говорила?

— Ну, мало ли что в поезде... А хорошо бы весь год жить так! — Неля красноречиво

раскидывает руки по сторонам. — Ох, и лентяйки мы с тобой, ага? Давай не поработаем хоть месяц, Лялечка, солнышко. Вот увидишь, небо на землю не упадет.

— Нельзя. Нехорошо, и вообще... Сколько нам мама обещала высылать? С расчетом, что мы на стипендию? Немного выходит... И кто нас, Нель, за язык тянул, что нам общежитие дали? Сказали бы, что на квартире — глядишь, еще с полсотни с родительской половины.

— Оплошали, — грустно подтверждает Неля. — Может, пока не поздно, написать? Так, мол, и так. С общежитием ничего не вышло.

— Ты что?! Они же мигом сюда все примчатся — и в деканат: за что обижают наших чадушек? А их чадушек в помине нет в институте. Нравится такая перспектива?

Ляле такая перспектива не нравится.

— Может, Леня пошлет, — Неля имеет в виду брата.

— Жди, придет Ленечка. Он ведь женится. Так ему жена и позволит деньги переводить!

— Ведьмы эти жены, — вздыхают обе.

— Лялька, у меня созрела идейка, идейка, идейка, — поет Неля. — Ты видела, сколько народа идет из гостиниц, не солоно хлебавши? На вокзал идет, чтобы спать. А там не то, что спать — присесть некуда. С маленькими детьми на полу

ночуют. Давай их пускать к себе на ночь?

— Ну да... А хозяйка?

— А мы ей не скажем. Как, одобряешь?

Ляле идея нравится. Неля продолжает развивать мысль дальше:

— Устроим что-то вроде маленькой гостинички. Сами поселимся в кухне, спать придется на полу. Не бог весть, какие цацы.

— Цацы! — капризничает Ляля. — Не хочу спать на полу.

— Умолкни. Зато будешь стройная, как чинара... Значит, так: две койки есть, да еще хозяйкина полутораспалка, да еще раскладушка в чулане.

— А белье постельное?

— Еще легче: у нас с тобой по две смены, хозяйка дала по смене. Можно бы напрокат взять, да у нас прописки нигде нет. Шести смен на первое время хватит... Интерьерчик у хозяйки сносный: шторы, цветочки, коврики.

— А нам за это ничего не будет? — беспокоится Ляля. Уж слишком все хорошо получается, даже сомнение берет.

— Нам? Плохо? Лялька, ты ничего не соображаешь! Нам в ножки поклонятся, вот увидишь. Частники по пять рублей за ночь сдирают, а мы... ну, по пятьдесят копеек с носа. Ровно столько, чтобы расходы оплатить и самим

прокормиться. Да нас атаковать будут. Про нас еще в газете напишут.

— Откроем фирму «Сестры Рябиныны и К°»! Отобьем клиентуру у гостиниц! — веселится Ляля. Сестры буйно фантазируют всю ночь напролет, и лишь когда стекла в окошках начинают синеть, они засыпают. Под кроватью пестрым ковром лежит шелуха от семечек... А сестры спят, обнявшись во сне.

На следующий день Ляля и Неля, как все нормальные девушки, отправляются в поход по магазинам, положив в карман — из экономии — только по семнадцать рублей.

В ЦУМе сразу купили Ляле юбку дешевенькую, но симпатичную, в желтую и черную полоску «елочкой» (старшая сестра сморщила бы губы: «Безвкусица»: ничего не понимает). В газетном киоске набрали открыток с цветными фото популярных артистов — здесь, к их изумлению, такие открытки продавались свободно.

Дома разложили их на кровати, вдоволь налюбовались и залепили всю стену, едва не поссорившись из-за Янковского. Потом Ляля примерила юбку — сначала с желтым свитером, потом с водолазкой. Решили, что с водолазкой гораздо лучше.

Потом пообедали, то есть попросту вскипятили чаю и пожевали хлеба с сыром и

вареньем. Потом, переодевшись в тренировочные костюмы, шлепая крепкими белыми пятками, выскребли и вымыли комнату. Неля вытянула «Ніч яка місячна, зоряна ясна», и Ляля подхватила. Выбили дорожки, вытащили из дровяника кровать-полутораспалку, красиво застелили хозяйкиным бельем, пахнущим сердечными каплями и хранящим складки от многолетнего лежания.

Уборка была закончена в восемь вечера. Ляля с Нелей быстренько привели себя в порядок, подкрасились (по возможности умеренно) и направились к вокзалу, взявшись под руку.

5

Над знакомым бетонным зданием светились огромные неоновые буквы. За толстой стеклянной стеной было видно, как на первом и втором этажах ходят пассажиры, стоят в очереди у касс. От фонарей у площади было светло, как днем. Стаей кучились легкие «волги» с изумрудными огоньками у стекол.

Сегодня было свободнее, чем день назад, и сестры быстро нашли пустовавшее местечко, точно не зная, с чего же им начинать. Слева на подстеленной газетке дремал старичок. Против них сидела пожилая женщина с круглым мягким лицом.

У ее ног стояли чемодан и хозяйственные сумки. Рядом мальчик лет четырех раскачивал ногами в крохотных ботиночках, вертелся и приставал: «Бабуля, а, бабуля...»

Увидев двух совершенно одинаковых девочек в ярко-зеленых курточках и узких брючках, малыш так и застыл. Он, отталкиваясь ручонками, как лапами, сполз с сиденья, подошел ближе и встал перед сестрами: Он сосал пальчик и изумлялся все больше.

— Ишь, хорошенькие какие, — любясь, сказала женщина. — Вы, дочки, на какой поезд сидите?

— Мы ни на какой, — теряясь, сказала Ляля.

— Мы встречаем, — перебила Неля. — Барнаульский. А вы?

— У меня поезд, милые, только в шесть утра, — пожаловалась женщина.

— Ага, транзит. И родных нет в городе? — подозрительно обрадовалась Ляля.

— И родни нет, откуда ей здесь взяться. Дочка вызвала — к себе жить насовсем. За военным она, дочка-то, вот и колесит. Видано ли дело: дитя три года в глаза не видела, — сокрушалась женщина, переводя беспокойный взгляд с сумок на чемодан, с чемодана на внука и в обратном порядке.

Неля с пониманием кивала головой. Подтолкнув сестру локтем, она сказала беспечным

ГОЛОСОМ:

— А вы бы могли переночевать у нас — если, конечно, не против.

— Разве ж родители пустят? — засомневалась женщина.

— А они сейчас... в отпуске. Мы одни... Это рядышком совсем, у вокзала.

— Во-он оно как, — прищуривая недобро глаза, и совсем другим, ехидным голосом протянула женщина. — К себе, значит, зазываете?

— Ну да, — продолжала объяснять ничего не замечающая Неля. А ничего не замечала она потому, что самозабвенно радовалась не столько успешному исходу задуманной операции, сколько своей добротой и добротой сестры, и радовалась за женщину и ее внука, которым не придется мучиться сегодня ночью под жужжащими лампами; и за всех тех радовалась, кого сестры облагодетельствуют в ближайшие ночи. — Тут близко, даже такси брать не нужно. Я помогу донести чемодан, а Ляля возьмет малыша на руки.

— Чемода-анчик, значит, брать можно? — сладенько улыбаясь, пропела женщина. И вдруг злобно зашипела, меняясь в лице. — А ну-ка, выметайтесь отсюда! Чего рты поразевали? Щас мужа позову... Щас. Сеня, Сеня! — закричала она, призывно махая рукой в неопределенном направлении. Хотя ясно было, что никакого Сени

тут нет. — Сеня, здесь какие-то бандитки пристают! Щас милицию позову! Товарищ сержант, товарищ сержант!

Старичок проснулся и отодвинулся подальше от кричащей женщины, а та продолжала призывать новых очевидцев:

— Ой, смотрите, люди добрые! Ой, чуть было от смерти спаслась! — и, набрав побольше воздуха в грудь, закричала на весь зал:

— Бегите отсюда, лахудры накрашенные! Бегите в свою бандитскую шайку, что честных людей заманивает. «Чемоданы, грит, берите. Поезда, грит, ждем». С дитем уже не жалеют! — в доказательство она подняла и показывала желающим внука, который вертел головой, гораздо больше испугавшись ее разъяренного вида.

— Вы... вы дура. Вы истеричка! Как вам не стыдно! Сию минуту прекратите, слышите? — шептала Неля прерывающимся голосом.

— Нелечка, не надо! Нелечка, уйдем отсюда скорее, — всхлипывала Ляля: — Нелечка, не связывайся.

Они не знали, как не умерли от ужаса и стыда, когда шагали быстро, чуть не бежали, спотыкаясь, через зал, и вслед им говорили: «Что случилось? Вот эти, которые убегают?... Успокойтесь, гражданка, что они вам сделали?... Милицию надо, обокрали, может».

Сестры выбежали на улицу, не помня себя, с зажмуренными глазами, из которых текли черные от туши слезы и заливали сморщенные от страдания, запрокинутые лица. Они заскочили за будки телефонных автоматов, потому что у них не было сил бежать дальше. Они ничего не соображали, настолько их поразили грубые ужасные слова, срам, который они пережили. Но самое страшное ждало их все-таки впереди.

Шагах в тридцати от автоматов стояло несколько мужчин, наверно, таксисты. Они о чем-то совещались и глядели пристально в сторону девочек. Скорее всего, они видели их позорное бегство из зала. Один из них, мощный и низенький, приблизился. Засунув руки в карманы, он развязной походкой прошелся мимо сестер и будто ненароком задел плечом Нелю.

— Ну как, девочки, промышляем? — сказал он даже, кажется, с сочувствием.

Ляля прекратила душераздирающие рыдания и боком заползла за сестру.

— Ну так как, черненькая? — близко подойдя к Неле и глядя на ее широкие плечи и высокую грудь, уже напрямик сказал он. — Согласна, что ли? И подружку не обидим. По десять червонцев на нос плюс ресторан. Идет?

Другие мужчины не спускал глаз с места переговоров, и низенький успокаивающе покивал

ему: сейчас, мол, порядок.

— Уйдите, — сказала, задыхаясь, Неля. — Уйдите отсюда, алкоголик. От вас вином пахнет.

— Ты не ори! — зло сказал низенький, крепко стискивая Нелину руку выше локтя. — В отделение, стерва, захотела? Устроим.

— Оставьте нас, пожалуйста, — плача, только и сумела сказать Ляля. — Нам и так очень плохо. Мы совсем не то, что вы о нас думаете.

6

В эту неделю они, бедняжки, даже редко на улицу выходили. Целыми днями валялись и читали книжки, которые нашли на хозяйкином чердаке. Однажды Ляля принесла из букинистики сборник рассказов Шукшина. Сестры наслаждались всю ночь, читая вслух с выражением.

Рассказы натолкнули сестер на новую мысль. Первой идею подала, конечно, Неля. Сестры сидели рядышком на опрокинутых набок табуретах, чистили на ужин картошку. Просто Неля сказала:

— Лялька, здорово бы нам было уйти в деревню, ближе к лесу.

— К лесу? С какой стати?

— А с какой стати многие выдающиеся люди стремились вернуться на природу, в деревню? Все они искали смысл жизни и приходили к выводу, что

он в единении с землей. Крестьянствовать, добывать себе пропитание... — Неля отложила нож, потому что разговор предстоял серьезный.

— Вот представь. Отыщем мы лесную завалышенькую сторожку, выскребем, вымоем, обставим. Я возьму из дома зеленый торшер, а ты журнальный столик... ну тот, одноногий, польский. Прихватим полосатый ковер из спальни, под тигровую шкуру. Сделаем всё очень миленько. Главное, мы обречем самостоятельность, независимость. Маме все объясним, скажем, хотим сами добывать хлеб насущный. Она еще радоваться будет; что таких дочерей вырастила, — это Неля сказала очень неуверенно. — Как ты, Лялька?

И вот они уже фантазировали с безудержностью ничуть не меньшей, чем когда обдумывали план с гостиницей.

Бревенчатый домик будет стоять непременно на берегу пруда. По вечерам туман будет заволакивать окрестности молочными клубами. На другой стороне пруда будут расти душистые заросли черемухи, а в них — щелкать соловьи. В сарайчике они поставят кроличьи клетки. Ляля в низко повязанном платке, как у Марины Нееловой в фильме «С тобой и без тебя», босая, будет доставать из корзинки болотную травку и давать ее в хрупающие зубки кротких красноглазых крольчат. Решили, что не лишним будет завести

поросенка. Под ноябрьские праздники они вызовут из деревни «мужика», который «заколет» поросенка и «освежает». «Мужику», само собой, нужно будет поставить «шкалик».

Долго думали, держать ли гусей. Ляля слабо сопротивлялась, говоря, что хлопот и так будет предостаточно: дом, огород, скотина... Но когда Неля, не скупясь на краски, нарисовала картину, как на красной вечерней зорьке из тумана чинной цепью выйдет большущая гусяная стая, и у всех гусей будут свернуты набок тугие зобы — Лялькино сердце дрогнуло.

Собаку завести — это непременно. Не какую-нибудь комнатную болонку, от которой воняет шампунем, а дворняжку — глупую, преданную и веселую. Огород — само собой. Они разобьют его на квадратики, самый большой отведут под картофель, квадратики мельче — под морковку, редис, петрушку и другую зелень, название которой они вспомнили из табличек на колхозном рынке.

В общем, пискнула Ляля, прелесть!

Еще оставался неразрешенный вопрос: телевизор. Ляля говорила, что умрет от тоски, если хотя бы часика четыре в день не посидит у голубого экрана. Неля категорически возражала против этого ящика вообще. Ведь, говорила она, им с Лялькой стоит только одну-единственную передачу

посмотреть — и вся их затея к черту полетит, они не выдержат и удерут в город...

7

Следующий день был посвящен разговорам о предстоящей лесной жизни. Как это было здорово — после стольких дней бездействия вновь найти дело, зажить в бурном ожидании завтрашнего дня, тем более такого обещающего и лучезарного дня.

За завтраком Ляля неожиданно сочинила стихотворение, которое посвящала «С. Р»:

— Как правильно ты
поступил,
    Что в наш суетливый
век
    Ты только с зверьем
говорил
    — И видел лишь
сосны да снег.
    — Душевности и
красоты
    Ты в людях, мой
друг, не нашел.
    Как правильно
сделал ты,
    Что в лес от людей

ушел.

Неля порукоплескала скромному кудрявому автору и поинтересовалась, кто это «С. Р»? Уж не одноклассник ли Славка Рубан? Славка, вызывая страшную ревность Нели, два года подряд провожал Лялю домой и нынче подал документы в Саратовское танковое училище. И вообще, вряд ли бы он согласился «видеть лишь сосны да снег»: Славка любил посещать пивбары и обожал дискомузыку.

Второе стихотворение получилось тоже само собой. Просто Ляля подозрительно притихла, пошевелила губами, а потом испуганно призналась:

— Нель, а я еще сочинила.

Неля быстренько занесла его в тетрадь, чтобы не забыть. Оно понравилось Неле больше. «В нем есть мысль, оно не такое расплывчатое и сентиментальное, как первое, и не посвящается никакому С.Р.

Единственное, что я
люблю, это лес, лес
вдалеке от села.

Как хорошо, что
сюда цивилизация не
пришла.

Цивилизация — это

гибель мудрых старых
деревьев.

Вместо них
взметнутся дома, гудящих
столбов ожерелья.

Визгом собачьим
зальется пила, засуетятся
пигмеи,

Те, что богами
считают себя и ни-че-го не
умеют.

Вздрогнут
беспомощные титаны,
гневно застонут и рухнут
навек

В грязный,
затоптанный сапожками
гадких пигмейских
ножонок снег,

— и в том же обличающем духе дальше на
двух листах.

Выезжать захотели сразу. Даже лучше, что на
носу зима — к лету успеют проштудировать
необходимую литературу по ведению личного
подсобного хозяйства. У них оставалось еще
достаточно денег (плоды изощренной Нелиной
экономии — молодец, Нелька!) Ну, это туда-сюда,

на билеты, на ночлег, на питание. В дороге еда получается почему-то всегда намного дороже. Ну и неужели, в конце концов, мать с отцом не захотят помочь дочерям, которые решили не покладая рук трудиться? Это только в первый год будет трудно, а потом, глядишь, сами сестры будут подкидывать в родительский дом сотенку-другую в месяц.

А вечером к дому подъехал новенькая «волга», и оттуда выбралась хозяйка с авоськами. Вошла, восхитилась уютом и чистотой комнаты, ужаснулась тому, как выглядят сестры («Как из концлагеря!»). Ляле велела немедленно растапливать печь, вместе с Нелей принялась выгружать провизию из авосек. Под конец даже вытащила бутылку вина и подмигнула девочкам.

Ляля с Нелей, сидевшие в последнее время на одной картошке, жаренной на маргарине, повеселели. Жаренье и паренье было в самом разгаре, когда в дом вошел молодой человек в светлом плаще.

— Сын. Толя, — сказала хозяйка с гордостью.

— Мам, куда сумки пристроить?

Ляле и Неле сказал:

— Как жизнь, студентки? Как учеба?

Почему-то сестрам одновременно показалось, что сын Толя догадывается о том, что Ляля с Нелей ни в каком институте не учатся. И что он знает о походе сестер на вокзал и видел от начала до конца

их страшный позор. Именно поэтому, когда подвыпившая хозяйка, с чувством перецеловав девочек, ушла проведать соседок, Неля сказала не без удовольствия:

— Просим передать вашей маме, что мы здесь жить больше не будем. Мы уезжаем в деревню.

Ей казалось, они наносят ощутимый удар хозяйкиным сладким расчетам: шестьсот рублей в год, не пито — не едено, собиралась выудить!

Сын Толя приподнял насмешливо бровь: «Да что вы говорите?!» И продолжал, как ни в чем ни бывало, разделявать на тарелке мясо и отправлять его маленькими порциями в рот.

— Узнаю знакомое, — говорил он в паузах между жеванием и проглатыванием, постукивая вилкой о край тарелки. — Своеобразная пощечина общественному вкусу. Пресловутая проблема отцов и детей. Искаженная идея толстовщины. Ну что ж, каждому хочется заявить о себе. Чем оригинальнее, тем лучше!

Неля прямо лицом потемнела. Глупая Ляля все испортила. Счастливая и доверчивая, она рассказала слегка заплетающимся от бокала вина языком о бревенчатом домике на берегу пруда, о стае жирных гусей, о смешнецком щенке, о кроликах в клетке. Рассказала, простодушная и доверчивая, сама как кролик, выпущенный из этой клетки. Сын Толя аккуратно подчищал кусочком

хлеба соус из свиной печенки, и бровь у него была насмешливо приподнята.

— Должен вас разочаровать, девушки, ничего у вас не получится. Кстати, что же вы учебу бросаете? Не по зубкам оказалось?

— Скажете тоже, не по зубкам, — оскорбилась Неля. — И почему это у нас ничего не получится, любопытно узнать?

Сын Толя утер губы платочком.

— С чего начнем?... Предположим на минутку, что вы всерьез намереваетесь воплотить в жизнь эту деревенскую идиллию. Предположим. Предположим также — из области фантастики, — что вы, коренные изнеженные горожанки, справитесь с хозяйственными расчетами и физической работой, и с мало-мальской техникой. Найдете мужей-сподвижников (Неля фыркнула). И все равно ничего у вас не получится, девушка вы сердитая.

Во-первых, вам самим все это будет невыгодно. Нет соцпакета: ни бюллетеней, ни отпусков, ни твердой зарплаты, ни стажа, ни пенсии — если заглядывать далеко. Одни-одинешеньки, брошены на произвол судьбы...

Ляля с Нелей переглянулись. Черт знает, как они это выпустили из виду?

— Но слушайте-ка, — враждебно сказала Неля. — А разве мы не будем трудиться? Разве

плохо, что мы сами будем кормить себя? Одна наша знакомая, например, всю жизнь не работала — и ничего. Прожила.

(Ляля усиленно закивала головой: правда, мол, правда.)

Сын Толя пожал плечами: дескать, это уж не мое дело.

— И второе. Предположим также, что вам нарезали земельный участок и вы получили разрешение содержать усадьбу и даже кое-какие деньги от биржи труда. Видите, девушки, я вторично иду на уступку, а вы сердито на меня смотрите... Так вот, самое главное: попробуйте сбывать то, что вы вырастили на своем огороде, ха-ха! Попробуйте пробиться на рынок! Да вас немедленно обложат такими налогами на недвижимость, на пользование землей, на разрешение торговать, что вы только заохаете. И вряд ли расплатитесь плодами трудов своих.

— На разрешение торговать?! — изумилась Неля. — Да нам в ножки должны за это поклониться, а не налогами обкладывать... И потом, ведь мы будем жить не на поле, а так... на опушке леса где-нибудь. Ведь опушка все равно ничья.

— Здравствуйте, я ваша тетька. Государственная! И не дешевая, между прочим, если в живописном местечке. Не понимаю, чем вы

на уроках истории занимались?

Вернулась хозяйка. Сын Толя, заботливо поддержав разомлевшую мамашу, усадил ее на заднее сидение, помахал ручкой и уехал. Ляля заплакала. Второе предприятие, задуманное в телячьих восторгах, проваливалось постыдным образом. Нелю удручала перспектива — снова страдать при мысли о родителях, наверно, сходящих с ума в это самое время, снова — ничего не делать, снова — есть картошку на маргарине:

8

А тут пошли осенние затяжные дожди. Голая ветка акации царапалась и скреблась колючками в стекле, и унылое это царапанье напоминало звук беспрерывно вывертываемой из ржавого патрона лампочки. Ляля сотый раз подходила к календарнику и думала, что после их отъезда из дома пошел, ни много ни мало, второй месяц...

Из окна было видно, как через железнодорожную линию торопливо идут люди — время обеда. А Ляля могла валяться на койке хоть два, хоть три часа, хоть до вечера. Или могла, закутавшись в хозяйкину шаль, послоняться по избе и жалобно попеть русские народные песни. Или поспать. Но от спанья уже тошнило.

Ляля вспомнила, как на уроке новой истории

классный придурок Адик пискнул из-за парты, что он бы не отказался всю жизнь быть безработным, все тогда прямо с мест попадали от хохота. «Дурачье, — думала теперь Ляля со злобой, — вот дурачье».

Хлопнула дверь. Неля вернулась из магазина. За обедом ели картошку с селедкой пряного посола. Неля ела и рассматривала прозрачный от масла обрывок газеты, в которую была завернута селедка.

— Лялька, — сказала она глухим низким голосом, ее рот был забит картошкой. — Вот тут председатель сибирского хозяйства приглашает к себе на работу. Обещает обеспечить жильем... Выплатить подъемные какие-то.

— Денег нет, — слабо возразила Ляля.

— На дорогу б наскребли. А там не бросят же с голода умирать.

— Все равно ничего не получится.

Столько разочарований они претерпели, что впору было разувериться во всем светлом и хорошем в жизни. Им обоим хотелось быстрее, точно назло кому-то, покинуть этот противный город, где так неудачно началась их самостоятельная жизнь; избавиться от свидетелей их неудач. И они вскочили и начали собираться, оставив на столе недоеденными картошки и слюдяные кусочки сельди. Впрочем, не зря говорится «нужда научит»: потом они аккуратно

завернули остатки еды в бумажку — вполне хватит еще на один ужин.

Дел предстояло немало: узнать на вокзале расписание, упаковать чемоданы — путь их ждал неблизкий, прибрать за собой избу, наконец-то написать письмо домой, где признаться во всем, во всем.

9

Поезд, следующий на восток, был переполнен возвращающимися отпускниками. Девочки едва достали билеты на боковые полки, да еще возле туалета. Но такой пустяк их мало огорчил. Путешествие это ничуть не напоминало те однодневные поездки, когда не успеешь сесть в поезд — и, пожалуйста, приехали. Трое суток нужно было добираться до нужной станции.

В плацкартном вагоне потихоньку менялся состав пассажиров — по мере того как поезд уходил все дальше на восток, он молодел, ехать становилось все интереснее. Сестры ложились — за окном еще мелькали пестрые березки вперемежку с редкими ельничками, а ночью было холодно оттого, что проезжали Уральские горы, и проводница разносила по второму одеялу. А к вечеру следующего дня появились первые сопки, похожие на рыжих мамонтов.

Тетя Наташа, сидящая напротив полная розоволицая женщина с тихим голосом, заметила, что как только наступало негласное время всеобщего принятия пищи, и весь вагон начинал шуршать пакетами и аппетитно пахнуть огурцами и колбасой, девочки вставали и уходили в тамбур. Возвращались, сгорбившиеся и с покрасневшими глазами только тогда, когда вагон по столь же негласному закону устраивался на послеобеденный сон.

После очередной отлучки она спросила девочек в лоб, есть ли у них еда и деньги вообще. Ляля с глазами, вмиг налившимися слезами сладкой жалости к себе, ляпнула, что денег у них осталось ровно на то, чтобы с такой-то станции сесть в автобус и проехать еще сто семьдесят километров.

Тетя Наташа растолкала спящего мужа и со страшными глазами передала ему то, что выболтала Ляля. Это услышали соседи, и так уж произошло, что весь вагон, не сговариваясь, не спрашивая девочек ни о чем, взялся кормить их в течение дороги. А вечером муж тети Наташи побрился, надел костюм и галантно предложил жене и девочкам поужинать в ресторане. Предложение было принято с восторгом. В ресторане он смешил девочек так, что они не знали, приниматься за еду или слушать его, и тетя Наташа выговаривала ему.

Он представился так: «Владимир Семенович

Саранча, знатный потомственный хлебороб». Ляля с Нелей едва разогнулись от смеха, а тетя Наташа сказала, что фамилия у них действительно Саранча, а портрет механизатора Владимира Семеновича действительно не сходит с колхозной Доски Почета.

После плотного ужина сестры почувствовали приятную сонливость. Сменили джинсы на халаты, ополоснули «буськи» (на их жаргоне — лица) и завалились спать. До ночи Неля отлично выспалась и лежала с открытыми глазами. Ляля спала на нижней полке, сурок сурком. В соседнем отсеке дядя Володя и тетя Наташа играли с соседями в карты и тихо разговаривали.

— Хорошие девчонки, — говорил за стенкой дядя Володя. — Болтают: молодежь такая, молодежь сякая. А у нас под Балашкиным — помнишь, Наташа? — пожары на болотах начались. Это ж страшное дело, торф горит, земляные пласты вниз ухают, в огонь... И никто их не просил, сами забросили свои гитары-магнитофоны и пошли, длинноволосые, в джинсах. Пожары тушить пошли.

— Знаете ли, экстремальные условия, романтика, игра в некотором роде, — мягко противоречил ему приятный голос невидимого в темноте мужчины, неприятный именно приторной своей приятностью. — Игра в героизм, знаете ли...

— Да, — громко и сердито, не слушая его,

продолжал дядя Володя. Звучно и яростно шлепались о пластик столика карты. — Игра, да. А трое тогда погибли. Провалились в торфяные ямы, заживо сгорели.

И все замолчали.

— Или еще, — говорил дядя Володя, который чувствовал себя в споре, как рыба в воде. — Мы с Наташей три месяца назад на запад ехали, в обратную, значит, сторону. И вот замечаем: ходит взад-вперед по вагону тонкая, как тростинка, девчонка. Волосы распущенные, в джинсах, вся раскрашенная. Она Наташе сначала очень не понравилась, не любительница она, когда косметики без меры и волосы не прибраны у девушек...

Так вот, значит, русалка эта аж переломилась, перегнулась пополам, носит младенца. Сто раз в день за кипятком сбегает, не разгибаясь в туалете пеленки застирывает, пассажирам, извините, сходить некуда. Младенец ночи напролет плакал — она его по коридору таскала, чтобы, значит, каждому купе поровну писка доставалось. М-да...

Когда глазки подводила и штукатурилась? Ума не приложу... Утром не успеваю глаза продрать, а моя девчонка из ресторана белый хлеб и молоко тащит — тюрю ребенку делать. Я ложусь — она тетешкается, в окно на сопки пальцем тычет, младенцу что-то объясняет. За дорогу вымоталась

страшно. Наташа ее жалела, младенца брала — все-таки руки женские, опытные. Думали, любовь-скороспелка, колечка-то нету на пальце. А она потом Наташе рассказала: двоюродная сестра с мужем на машине разбились, трагедия, понимаешь. Родня ближняя руками замахала: в детдом ребенка. Она и усыновила. А ты говоришь — молодежь.

10

...И вот они сидели в кабинете директора хозяйства «Еланкинский». Между распахнутыми окнами гулял сквознячок, ни пылинки не лежало на коврах и на шоколадной полированной мебели. После шума и многолюдья, стука колес, после трехчасового гула в «Икарусе» у сестер от тишины звенело в ушах. Они сидели в своих пыльных плащах на самых краешках кресел, боясь запачкать дорогую обивку.

— Но зачем вы тогда печатали объявление?

— И больше никогда в жизни не буду, хватит, научили.

Директор хозяйства был похож на телеведущего. Молодой, прилизанный, ворот ослепительной рубашки стянут узеньким модным галстуком.

Только что он сообщил, что никакие работники хозяйству не нужны. Вот так. Вопрос

упирается в жилье. Общежитие переполнено. На квартиры пускать перестали — некуда. Даже сараи сданы, как в Сочи.

— Знаете, сколько писем и звонков на мое неосторожное предложение поступило? Две тысячи с лишним. У нас климат очень здоровый; солнечных дней в году больше, чем в Крыму. Семьями просят жить. И едут-то нужные до зарезу люди: механики, водители, экскаваторщики, инженеры. С высшим образованием едут. Спасибо тем, кто предварительно списался с нами. А те, кто наобум приехал, вот как вы? С ними как прикажете поступать? Лучший для вас выход из положения, — говорил директор, — поехать в областной центр. Тысячи девчонок вашего возраста идут в ПТУ, потом работают в швейно-трикотажном производстве, или там штукатурами-малярами. Чем плохо? Завтра утром вас и отправим. Эх, девчата! В гостиницу у нас трудно устроиться, ну да похлопочем. («Что вы говорите, в вашей дыре даже в гостиницу не устроиться?!») Директор снял трубку красного телефона-игрушечки.

— Зоенька? Ананьев с просьбой...

Администратор маленькой двухэтажной гостиницы Зоенька удивилась, что паспорта у девочек безнадежно просрочены, и уже потянулась было к телефону то ли директора, то ли вообще милиции. Но, взглянув на несчастных, с

осунувшимися лицами сестер, только покачала головой. И трубку положила.

В комнатке, куда привела их горничная, стояли две кровати, у каждой на тумбочке в вазочке — по свежему цветку. Ляля бухнулась на кровать и надолго перестала шевелиться. То ли плакала потихоньку, то ли сразу уснула. Неля посмотрела-посмотрела на сестру и ушла к окну.

Подоконник когда-то красили так обильно, что на нем всюду навечно застыли белые капли. К вечеру ясно, подмораживало... С запада, где за тысячи километров находился Лялин-Нелин дом (да полно, не исчез ли он бесследно, не улетел ли за облака, не растворился ли в воздухе за месяц горе мыканья сестер), стремительно летели длинные, растерзанные ветром в клочки чернильные, фиолетовые тучи. В столь фантастический цвет их окрасило предзакатное солнце.

Здесь, в Еланке, его почти скрыли сопки, а в их городе оно еще светило вовсю. Нелю в эту минуту поразили громадные размеры страны. И они осмелились преодолеть такое расстояние почти без копейки в кармане. А проехав, оглянулись и ужаснулись собственному безрассудству.

Нежный переливчатый звоночек заставил подпрыгнуть Нелю чуть не до потолка. Оказывается, за одной из вазочек прятался телефон. Администратор Зоенька интересовалась, готовы ли

девочки принять гостя? Неля, кашлянув, хрипло сказала «да». А Ляля, слышавшая все, сделала круглые глаза; какой еще гость может пожаловать к ним в этой противной неприветливой Еланке?! Разве только родители на сверхзвуковом самолете прилетели.

«Ага, вот и они», — произнес знакомый голос за дверь. Вошел директор: подтянут, свеж, румян с вечерней прохлады. Длинный белый плащ дополняет мягкая, сдвинутая на затылок шляпа.

— Так, девчонки, быстренько: что стряслось?

Ляля струсила и пролепетала: а что, собственно, могло стрястись?.

— Решил узнать, как чувствуют себя гости. А мне говорят: они, мол, как заперлись в номере, так носа не кажут. И в буфет не спустились, и телевизор в красном уголке не посмотрели («...И паспорта просрочены», — добавила мысленно Ляля). Неля пробормотала, что просто телевизор смотреть не хочется. И есть не хочется.

— Удивительно! — сказал директор. — Со времени нашего расставания прошло, — он взглянул на часы, а заодно показал их сестрам, — восемь часов. И не захотелось ужинать? А напрасно — в буфете у нас готовят великолепно. Не хвастаюсь, но в своих больших городах вы никогда так не покушаете, как у нас.

Господи, как противно звучало мягкое

«покушаете»...

Директор чувствовал себя в гостиничном номере так же по-хозяйски, как в собственном кабинете. Он прошелся по комнате, выглянул в окно, неодобрительно покачал головой, затем бдительно задернул шторы. Было ли на свете место, где он не чувствовал себя хозяином?

— Так, девчонки, быстренько за мной. И не копать — не люблю.

В буфете директор взял меню и, не считая нужным показывать его девчонкам (как не дает доктор опасно больному лист с целительным рецептом), заказал официантке ужин. При этом он озабоченно поглядывал на сестер, будто прикидывал, сколько и чего следует заказать для поддержания их душевных и физических сил.

И вот сестры обжигались дымящимися жирными блинчиками с мясом, дули на какао, отгоняя коричневые пенки, которые — хотите верьте, хотите нет — затащили стакан сверху на треть, и, перебивая друг друга, говорили, что нельзя им уезжать из Еланки, никак нельзя, понимаете? И не из-за того, что денег нету, то есть и из-за этого тоже, конечно, но это не главное. А главное то, что если они уедут, у них уже никогда ничего в жизни не получится, понимаете? Нельзя им отсюда уезжать, иначе так и будет судьба носить их по ветру, как листочки дубовые.

— Взять еще? — директор кивнул на блюдечки в масляных потеках.

Это мог быть вопрос, намеренно уводящий в сторону. Сестры переглянулись.

— Так, — сказал директор, вероятно, отметив про себя чересчур болезненную реакцию сестер на каждое его слово. — Паспорта есть, надеюсь? Молодцом. Говорите, десять классов закончили и аттестаты при себе? Совсем молодцом, лягушки-путешественницы... На любую работу, говорите?

Сестры, соглашаясь, яростно затрясли головами.

— Две-то единицы нам очень нужны, в садик — воспитательницу и няню. Старый садик забит под завязку, нового как такового пока нет, не утвержден сверху. Но мы вот создаем — на общественных началах. Молодые мамы жаждут работать наравне с мужьями. Малышей оставить не с кем. Вот и устраиваем такой нелегальный садик на дому. Знаете, как у пингвинов. И назовем — «Пингвин». Вот, даже название есть, а работать некому.

Многого с вас не потребуется — присмотреть там за малышней, штанишки сменить.

Рисовать умеете — картинки рисуйте, петь умеете — пойте. Обедать мамы будут забирать их домой. В первое время будет трудно. Домашнее

постельное белье запретила брать СЭС, и прачки нет, но, уверяю, после посевной разживемся крупногабаритной стиральной машиной — автоматом. Зарплатой будут те деньги, что мамы соберут между собой. На это дело они не поскупят, гарантирую. Жить будете в пристройке, что у садика. Утеплим ее...

Сестры не дали ему договорить. Ахнули, всплеснули руками и в один голос закричали, что никакая холодная пристройка их не пугает, и вообще — они всю жизнь только и мечтали работать с маленькими.

— Медосмотр, оформление документов — завтра. Завтра и расскажете, как занесло вас сюда, лягушки вы путешественницы. Прием у меня с десяти утра.

11

На стенах избушки, куда они вошли, по-новогоднему красиво переливался иней. У дверей висел термометр, столбик на нем едва поднимался до восьми градусов тепла. Правда, сначала они не обратили на это внимания. Скинули плащи, засучили рукава свитеров. Затянули песню и принялись за чистку и мытье.

Да вот беда, печь не хотела растапливаться, едкий дым игнорировал широкую трубу и упрямо

лез во все щели. Беспокоясь, чтобы не закоптили стены, Ляля открыла настежь дверь. Освобождённый дым плавной синей рекой благодарно рванул в щель. Пришлось снова натягивать плащи. Сестры убрались еще немного, но двигались в плащах неуклюже. Хотелось сжаться в тоскливые комочки: и почему же им так не везет в жизни и почему они самые разнесчастные на свете, даже комнату им дали холодную?

Вот проскрипело крылечко под мужскими ногами. Вошел незнакомый дядька в телогрейке — и сразу к печи: «Не растапливается, растуды ее?» Подкидывая в руке молоток, обошел печку, что-то прикинул и вдруг, прицелившись, жажнул молотком по ее беленькому боку. И ожесточенно колошматил до тех пор, пока не осыпалась побелка и глина, и кирпичи не зашевелились в своих гнездах. Дядька осторожненько повынимал их, потом засучил до плеча рукав рубашки и начал необыкновенно нежно погружать выгнутую коромыслом руку в отверстие, пока рука не скрылась там по самое плечо..

Через час Неля отмывала его волосатую руку от жирной сажи, и дядька говорил им, довольно поглядывая на то место, где красовалось выпуклое, замазанное глиной пятно:

— Ух, девочки, ждите жарницы — не продохнуть будет!

И хотя сестры понимали, что куда уж не

продохнуть, хорошо бы переспать по-человечески, но все равно от шутки становилось вроде теплее. Печник оказался прав: к вечеру температура в комнате поднялась до двадцати трех градусов — это при открытой еще трубе!

Перед ночью Неля застелила кровать, взбила огромные подушки в цветастых наволочках, откинула стеганое одеяло:

— Ваша любимая лошадь подана, сэръ!

Ляля взвизгнула и бросилась на любимую лошадь. И они, как в старые добрые времена, читали книги и грызли — за неимением семечек — сухой горох, которого в сенях обнаружили целый мешок. На его боку было выведено «не протравленный». Значит, его можно было смело есть.

И вот прошла первая неделя. Самым главным событием в это время была телеграмма от родных. Мать сообщала, что устроить переговоры с Еланкой пока не удалось, каналы перегружены. Она упрекала их, что они сразу не написали ей всей правды, и умоляла впредь, что бы ни случилось, писать им, самым близким людям. Она спрашивала, хорошо ли обдумали сестры свой поступок, не хотят ли вернуться домой. Самых родных своих девочек ждет с нетерпением вся семья. Тетя Муся и Игорь Павлович звонят каждый день, спрашивают о беглянках. На днях отец берет отпуск и вылетает в

Еланку — возможно, вернется уже с блудными дочерьми?

Текст был ровный. Читая сухие, продуманные телеграфные строчки, невозможно было представить, что мать до этого рыдала и долго потом не могла удержать дрожь в руках и взять ручку. И что она стала совершенно белая за те недели, пока сестры молчали.

Давным-давно из университета на запрос пришел ответ, что сестры Рябинины не появлялись на занятиях, да и не должны были появляться. Отец с братом обзвонили не один десяток отделений милиции и моргов в различных городах, где, по их предположениям, могли оказаться Ляля с Нелей. На ноги подняли родных, знакомых. Был объявлен всероссийский розыск, от которого сестры спаслись тем, что уехали на другой конец страны...

12

...У Нели после первой стирки разболелись руки, и Ляля великодушно заменила ее.

О, это было целое искусство, процесс превращения грязного белья в чистое. Простынки, пододеяльники, наволочки, еще сохранявшие нежное детское тепло, Ляля сортировала в кучи. Затем белью замачивалось в корытах, всю ночь мокло в скользкой мыльной воде.

Утром его, разопревшее, закладывали в машину с мощной центрифугой. Через окошечко-иллюминатор можно было наблюдать, как, всплескивая, бешено крутится белье в горячей воде. При процедуре № 4 белье загружалось в котел и, пока оно кипятилось, ходило в котле, чмокая, вздуваясь белыми клокочущими пузырями в клубах пара, Ляля стояла на табурете, храбро помешивала белое варево деревянной палкой.

Можно было выполоскать белье без особых усилий в той же стиральной машине, но как тогда оно приобретет ту свежесть и белизну, которые получаются только от родниковой воды? Ляля ходила в ложок, где из-под земли бил ключ.

В старой гнилой колоде, заросшей по наружным краям изумрудной зеленью, она тюкала деревянным валиком по белью, расстеленному в прозрачной ледяной воде, чтобы изгнать остатки порошка. А потом, сторонясь обжигающих хуже кипятка брызг, щепотью ухватывала простыню или наволочку, сильными движениями закручивала в бурлящей воде в тугую белоснежную спираль так, что у нее едва не выворачивались локтями наружу руки. Потом крепко встряхивала и швыряла в корзину — готово!

Всему этому научила Лялю сторожиха тетя Паша. Она же показала, как быстро, в 3–4 взмаха захватывая большую площадь, мыть полы, и

авторитетно поясняла: та девка, которая моет и приседает, та никудышной бабой будет... У них в деревне, как невесту выбирать, потихоньку к окошкам ходили, смотрели, как девка полы моет.

...Перед сушкой Ляля касалась носом холодного пахучего белья, которое сохраняло запах ключевой воды. И если погода выдавалась солнечная и ветреная, у Ляли сердце радовалось: собирая потом в охапку сухие звенящие простыни и пододеяльники, она снова утыкалась в них носом — оно пахло солнцем и ветром.

Ну, и, наконец, белье, прошедшее ни много ни мало шесть процедур, попадало под тяжелый старый утюг. И вот постепенно выстраивались стопки каменно твердых, отливающих синевой квадратиков. Ляля особенно старательно утюжила белье на сгибах, чтобы, развернув и встряхнув его, можно было вдосталь налюбоваться тугими складками, свидетельствующими о Лялиных трудах. «Смотрите, в какие чистенькие постельки вы ляжете, — говорила Ляля детям перед тихим часом. — Помойте ножки как следует. И чтобы не писать!»

13

В основном с детьми занималась Неля. Но и Ляле хватало с ними повозиться. В первый же день

она поняла, что нужно срочно заводить дневник.

«Укладываю Ингу спать, приговариваю:

— Ляг на бочок, одну ручку под щечку, другую поверх одеяльца.

— А можно, я ножки подогну?

— Подгибай, пожалуйста.

— Инга хохочет.

— Если я на бочок лягу и ножки подогну, у меня животик скомкается!»

«Мишенька помыл тряпкой свой горшок, а потом той же тряпкой помыл Ирочку. Ирочка была страшно довольна».

«Тороплю Оксанку: «Надевай быстрее колготки. Она так укоризненно: «Я что тебе, гончая, да?!»

«Машенька ладошками гладит небритое лицо дяди Пашиного мужа: «Ой, дяденька весь в занозках!»

«Неля имела неосторожность надеть супермодную, очень узкую майку. Вся группа ее обступила и со страхом показывала на ее туго обтянутую грудь: «У Нели вот тут выросли два острых брюшка!»

Вечером Неля злобно отшвырнула от себя книгу, которую читала (а может, не читала, а лишь

держала перед глазами), так что книга несколько раз кувыркнулась в воздухе.

В последнее время Ляля замечала, что сестричка начала задумываться, даже во время занятий с детьми ходит с хмурым лицом взад и вперед по комнате и на вопрос, повторенный дважды и трижды, говорила «Что?» — и морщила лоб, соображая, о чем ее спрашивают.

— Ты как хочешь, только я скоро уеду, — сказала Неля сквозь зубы. — Погоди, сейчас я все объясню, и ты поймешь, что это самоубийство — жить так дальше. — От возбуждения она сжимала кулаки, бестолково стучала ими по одеялу рядом с собой. — Лялька, я все обдумала. Слушай внимательно. Если женщина родит ребенка, то она перестает жить личной жизнью. Она начинает жить жизнью матери ребенка, так? Ну, а мы-то с тобой с какой стати живем жизнью матери ребенка?! Мы их рожали, что ли? Я не слепая, вижу, как ты надрываешься. Вон у тебя во что руки превратились, ужас, мама бы видела. Директор благодетель нашелся, двух дурищ пахать, как крепостных, заставил. Недаром никто на эту работу до нас не согласился. Ребенкины мамочки с мужьями длинных рублей нахпают и укатят по домам, а мы — из-за чужой мелюзги... И вечерами сидим, как чокнутые, над методичками, готовимся к зачету у какой-то Мироновой из дошкольного

отдела...

Ах, как хотелось Неле хорошенько встряхнуть Лялю, чтобы она очнулась от спячки, сурок эдакий, огляделась, ужаснулась и начала мыслить в том же направлении, что и Неля, как это было всегда раньше.

— Я не могу жить здесь, и не уговаривай (хотя Ляля молчала). Такая тоска! Лялька, Лялька, разве тебя не пугает перспектива провести всю жизнь в Еланке? *Всю* жизнь, — Неля сделала внушительную паузу, давая возможность сопоставить две абсолютно несопоставимые вещи, — в *этой* Еланке!

И она смотрела круглыми, налившимися кровью глазами на сестру.

Ляля не готовила заранее речи, как это сделала предусмотрительная Неля, и ответ ее прозвучал слабо и неубедительно:

— Нелечка, но нельзя же всю жизнь скакать как блоха, правда? Еще месяца не прошло, как мы сюда приехали. Нелька, а как же наше решение — чтобы до конца себя на прочность проверить? Слушай, а тут все говорят, что скоро через Еланку пройдет большая трасса...

Чем больше путалась Ляля, тем сильнее напирала Неля:

— С ума сошла, какая трасса? В Еланке?! Не смехи. Ты лучше вот что скажи: родившись на

громадном Земном Шаре, всю единственную, неповторимую жизнь провести в одной точке, которую на порядочной карте не найдешь — не ужасно? Разве не хочется тебе повидать... скажем, Тихий океан... Или Австралию? Помнишь, Шельниковская в седьмом классе уехала с родителями в ЮАР? Все от зависти попадали... А мы с тобой тогда зубы сцепили. Знали потому что: кто хочет, тот добьется. И мы добьемся, Лялька, быть того не может чтобы не добились! Под лежащий камень вога не течет, все нынче зубами за свой шанс дерутся, а мы с тобой добровольно в Еланке сами себя заточили.

Она посмотрела на Лялю — та сидела, хоть кол на голове теши.

— Поехали же, поехали домой! Отец в хорошее место обещал устроить. На самолете полетим, пусть тебе попробуют за твою каторгу не заплатить. Сколько за один день нового услышим, интересных людей повидаем. А то прямо плесенью и паутиной нас тут затянуло. А дома-то: ребята знакомые, Славик Рубан! Дома все есть. А здесь? Да лучше смерть!

Таким образом, Неля попеременно применяла политику кнута и пряника.

— Помнишь нашу улицу? Сейчас там от огней светлее, чем днем, а народу! Лялька, народу! Река человеческая. В одном троллейбусе больше людей,

чем во всей Еланке! — Она отдернула кусок ситца, служивший занавеской. Улица утонула в непроглядной, глаз выколи, темноте. Только на другой стороне улицы кое-где желтели четырехугольные пятнышки окон. Тихо падал первый крупный снег. Взлаивали собаки. И Ляля, заведомо зная, что говорит неправду, что никуда она теперь из своего «Пингвина» не уедет, как же он без «Пингвина», проревела:

— Нелечка, хорошо, я подумаю. Хорошо, я подумаю, Нелечка. Только, Нелечка, что же ты наделала, предательница ты, Нелькааа, — и, скривившись, сморщилась, заревела громче сестры. И во сне она продолжала поскуливать, а Неля сонно мычала, дергалась и вялыми руками отталкивала от себя что-то.

Они сполна познали суть выражения — резать по живому. Причем Ляле пришлось труднее: ведь остающемуся всегда труднее. Утром она сажала Нелю в знакомый «Икарус». А к вечеру — с каждым часом острее — начала понимать, что значит остаться на белом свете одной-одинешенькой. Ночью она, закутавшись в одеяло, сидела и не отрываясь смотрела на часы. Когда стрелка показала половину второго, Ляля вскрикнула и заплакала. Именно в это время Неля с чемоданом поднималась в вагон... Через три минуты все было кончено.

...Вот состав дернулся так, что гул пошел, и толчок долго передавался от вагона к вагону, от головы поезда к самому хвосту. Вот он плавно тронулся и поплыл: сначала тихо, почти незаметно, потом пошел наравне с одиноким провожающим, потом пошел быстрее, и уже за станцией вольной птицей вырвался из клубка пропахших мазутом, запутанных путей и стремительно понесся под свист и пение ветра по гибким голубым рельсам в дальнюю даль, в сторону закатившегося солнца, к шумным городам, унося в одном из вагонов скрючившуюся на верхней полке, тонущую в слезах маленькую сестренку Нельку.

Все зависело только от нее, Ляли. Для поправления дел требовалось всего — ничего: рассчитаться, собрать чемодан и уехать навсегда из Еланки. Только вырвать из сердца, не думать о «Пингвине». Что такое «Пингвин»? Зачем «Пингвин»?

15

«Здравствуй, милая, милая сестренка Лялечка.

Мама, папа, Майя и Виталик страшно рады твоим успехам и тому, что у вас с Павлом будет еще один маленький. Мама собирается ехать к вам нянчиться с малышом. Говорит, не справишься, тебе скоро защищаться на доцента. Ого, «Пингвин»

приезжало снимать ЦТ! А как тебе японские детсадики и вообще Япония? Ладно, приеду в гости, расскажешь про Страну восходящего солнца.

Ой, слушай свежий анекдот. Наш бесподобный папуля в книжном магазине увидел в продаже твои педагогические книги. Он так испугался, что книжки не будут иметь спроса, что выкупил всю партию в книжном магазине, представляешь?! Угрохал всю зарплату. Мама не знала, то ли смеяться, то ли ругаться. Говорила: ты же оставил без мудрых Лялькиных поучений наших садиковских методистов!

А вот у меня, курносый, все не так прекрасно получается в жизни. Не хочется тебя огорчать, но ты же сама просила писать все-все, как будто мы рядом сидим и разговариваем. Теперь ты у меня будешь вместо дневника.

Ох, Лялечка, увидела бы ты меня, не узнала б прежней лихой Нельки. Помнишь наши «Сестры Рябинины и К°»? И смешно, и плакать хочется. Какая-то я стала слабая, больная, мнительная. Заимела гнусную привычку копать в своих переживаниях, хотя, наверно, им грош цена. Что я делаю? Сейчас временно не работаю. Валяюсь, смотрю телевизор, слоняюсь по комнате. Просто физически ощущаю, как по часам, по минуточкам уходит «единственная, неповторимая» моя жизнь.

Утром я желаю, чтобы поскорее пришел

вечер. Вечером — чтобы скорее лечь спать. А ночью жду, чтобы настало утро, и не мучила меня бессонница. И так каждый день. Но ведь это моя жизнь, так с какой стати я желаю, чтобы скорее проходила моя жизнь?!

Лялька, Лялька, плохо мне без тебя! Во мне два человека. Один гораздо старше меня и умнее. Он советует, как быть дальше, как вести себя в настоящем, и напоминает, что я сделала не так в прошлом. Он очень мудрый и иногда плачет надо мной и жалеет меня. А другой человек — это я сама. А может, я всю жизнь гонялась за судьбой, но только и делала, что убегала от нее?

А, Лялька?!»

РОЗОВАЯ ВАННА

В городскую квартиру Нинка Ливанова попала впервые в пятнадцать лет. И поняла, что до этого вся ее жизнь являла собою жалкое прозябание. Квартира была свежеполучена дядей, родным братом Нинкиной матери.

Оказывается, на свете существовали ровные, строго очерченные комнаты с большими, во всю стену, окнами, в которые било беспощадное городское солнце. В деревенских-то избах углы от времени кособочились, окошки рублились маленькие, и их непременно затеняли

палисадниковые черемушки и сиреньки.

Под окнами внутри городской квартиры теснились беленькие, пышущие жаром ребрышки батарей, а значит, ночью у дядиных детей не мерзли кончики носов, и не страшно было ночью вставать и скользить босиком, как по льду, по обжигающим холодом половицам на горшок...

Даже запах здесь стоял другой, городской, легкий: пахло немножко известкой и краской, немножко духами дядиной жены-модницы, немножко колбасой, которую жарили по случаю гостей. У них в деревне, к какой бы из подружек Нинка ни заскочила, избы всюду встречали застоявшимся земляным, тяжелым, могильным запахом корнеплодов, варенных в чугунах для скотины. А что такое колбаса, многие деревенские детишки вообще не знали.

Ночью Нинка, которой постелили на полу, от возбуждения не сомкнула глаз. Сереньким городским утром, когда за окном забренчали трамваи, тихонько встала и прокралась в туалет. Туалет больше походил на операционную, какой ее показывают в фильмах: там пусто, чисто и блики от кафеля нестерпимо режут глаза. Пальчиком заворуженно поводила по плитке, дивясь её прохладной гладкости. Налюбовалась досыта, потом проскользнула в ванную.

И вот тут, сжав кулачки, с блестящими глазами, в каждом из которых светляками отражалось по электрической лампочке, Нинка обратилась к сверкающему никелированному полотенцесушителю и дала страшную клятву: эй, слышите, все! Она, маленькая деревенская Нинка, будет жить точно в такой квартире. Будет иметь такую же ванную, чего бы ей этого не стоило.

По возвращении в деревню, презрев ворчливое материно: «Я те пошлындаю! Лучше вон поросенку картох намни», — наряжалась в лучшее, красилась купленной у цыган мылкой комковатой тушью. Выходила на околицу к отходу рейсового автобуса, болтала с отъезжающими пэтэушниками, студентами. Вызнала: легче всего получить в городе жильё строителям и дворникам.

После восьмого класса Нинка поехала поступать на штукатура-маляра. Поступила легко, дали комнатку в общежитии, где в конце коридора были душ с горячей водой и огромная кухня с газовыми плитами. Именно тут Нинка в первый и единственный раз взгрустнула о деревенской избе: какая бы та ни была развалюха, а всяк в ней живущий сам себе хозяин. Здесь хозяин была старшая по этажу, усатая Мгелиева.

Десятиэтажное общежитие в общегородском соревновании завоевало звание образцового. А их

коридор на тридцать комнат, в свою очередь, считался лучшим в общежитии. Значит, был образцовым в квадрате. В том была прямая заслуга Мгелиевой, девушки 49 лет.

Никого у нее не было: ни детей, ни семьи, ни приходящего мужчины. Был только прибитый над узкой койкой переходящий вымпел: «Ответственной по этажу тов. Мгелиевой за идеальные чистоту и порядок». И был еще этот идеальный стерильный, будто вымерший этаж на тридцать дверей. За дверьми жались зачуханные, насмерть запуганные Мгелиевой деревенские девчонки.

Мгелиева вполне могла в пять утра ворваться в комнату, потрясая бумажной комковатой массой в руке, с которой стекала грязная вода, крича: «Это ты, ты бросил в унитаз бумажка! Думал, никто не видел, а я видел, это твой бумажка, лучше признавайся, засранка!»

За глаза ее называли «Менгелиева». Хотя Нинка не знала, в чем тут соль, но догадывалась, что за кличкой кроется нечто очень злое. Мгелиева до того довела девчонок, до того они ее трепетали, что некоторые первогодки, до обморока боясь высунуть нос не то что в кухню — даже в туалет — потихоньку писали в комнатные раковины.

Это дело вскрылось, поднялся страшный шум,

приезжало местное телевидение. Комендантша перевела ревностную блюстительницу чистоты, от греха подальше, в другое общежитие: пусть она его поддерживает в образцовом состоянии.

Задушевной ночной сказкой у девочек была одна и та же, на пэтэушный лад, с Золушкой и принцем. В роли принца выступал обычно прораб или начальник строительного управления. Золушка была, конечно, сельского происхождения, в заляпанной белилами и краской спецовке. Спецовка в конце сказки превращалась в норковую шубу, валик — в сумочку, туго набитую долларами и евро, а ведро с краской — в сверкающую иномарку. Мастер производственного обучения, по прозвищу Крыса, по законам жанра обязан был вечно выполнять роль водителя, но девочки кричали: «Пускай навечно крысой, крысой останется! Сами на права сдадим, водить машину будем!»

— Была тут, — рассказывали, — одна на побегушках, подай-принеси. Покрутила роман с начальником жилищной комиссии — пожалуйста, теперь в отдельной квартире живет. Жениха нашла городского, завидного.

Или:

— Видали Терещенко, жену начальника СУ? На нашем участке крановщицей работала. Взяла мужика тем, что лазила на кран — снег — не снег,